

НЕЗАКОНЧЕННАЯ СТАТЬЯ О ГОГОЛЕ

Публикация М. Л. Семановой*

Публикуемая статья Слепцова — одна из первых известных нам работ писателя — осталась незаконченной и не была напечатана. Для какого издания она предназначалась — установить не удалось. Статья представляет значительный интерес для определения идейно-эстетической позиции молодого Слепцова, а также характеризует ту идейную борьбу, которая велась вокруг Гоголя. Написание статьи следует отнести к началу 1860 г., ко времени первой публикации «письма» Гоголя к А. О. Смирновой «Что такое губернаторша?» Это было одно из четырех гоголевских «писем» из «Переписки с друзьями», запрещенных ранее цензурой.

Творчество Гоголя, несомненно, повлияло на ряд произведений Слепцова («Свилья», «Письма об Осташкове», «Петербургские заметки»). Недаром Толстой, говоря о русских юмористах, поставил в один ряд: Гоголя, Слепцова, Чехова¹.

Но писатель-демократ шестидесятых годов не просто хранил гоголевские традиции; он творчески развивал их в соответствии с требованиями нового времени и своего мировоззрения (прежде всего это касалось изображения народа). Принимая основные творческие принципы Гоголя — изображение правды жизни, обличение — Слепцов, как об этом свидетельствует и все его творчество и публикуемая статья, был идейно враждебен «умозрительным» построениям автора «Выбранных мест», позиции учителя жизни, которую занял Гоголь в конце 1840-х годов.

Последователь Белинского и Чернышевского, Слепцов указывает в статье на глубокую реакционность книги Гоголя, на ее мистицизм, на стремление автора подменить решение социальных вопросов «спасительными средствами» этического характера. В личности же Гоголя Слепцову враждебно его «аскетическое направление» (по терминологии Чернышевского), самоуничужение при страшнейшем самолюбии².

Слепцов вслед за Чернышевским отмечает, что Гоголь не шутит идеями, принимается за свое «душевное дело» серьезно³. Но, как и Чернышевскому, Слепцову кажется странной эта его деятельность и, в частности, то, что Гоголь возложил на губернаторскую обязанности, о которых она не имеет ни малейшего понятия. Как и Чернышевский, он считает несостоятельными, поразительно наивными предложенные Гоголем рецепты спасения России. Но Слепцов строже и суровее, чем Чернышевский, осуждает Гоголя за его реакционные утопии.

В середине 1850-х годов революционные демократы объявили автора «Ревизора» и «Мертвых душ», главою ведущего и единственно плодотворного направления в русской литературе — «гоголевского направления». Чернышевский в своих статьях о Гоголе старался подчеркнуть его силу, его великие исторические заслуги, а не заблуждения. Отсюда стремление найти зерна истины, элементы гражданственности даже в ошибочных произведениях писателя. Так, говоря о письме «Что такое губернаторша?» — Чернышевский объясняет склонность к аскетизму Гоголя силою впечатления, произведенного на него «зрелищем праздной роскоши»⁴, а в желании Гоголя говорить знатным людям о смирении и сострадании видит выражение благородной склонности человека, желающего блага обществу.

Слепцов писал свою статью в другое время. И оно диктовало демократам большую непримиримость к заблуждениям Гоголя. Поэтому, сохраняя уважительный тон по

* При участии Э. Л. Войтовой.

отношению к писателю, автор допускает, однако, и ясно выраженные иронические интонации.

Прямолинейная непримиримость Слепцова вполне объяснима. Революционная демократия вела в это время ожесточенную борьбу по всему фронту с либералами, стремившимися противопоставить требованиям радикального переустройства русской жизни всякого рода полумеры, частичные реформы, филантропию «сверху». Публикация именно в этот момент «письма» Гоголя к губернаторше имела определенный политический смысл.

Знаменательно, что редакция либеральной газеты «Современность и экономический листок», усиленно восхвалявшая на своих столбах «отрадные» явления подготовлявшихся реформ, из четырех представленных П. А. Кулишем глав книги Гоголя, запрещенных ранее цензурой, сочла необходимым поместить именно письмо к А. О. Смирновой.

Слепцов понял, в чем состояла актуальность для либералов вопросов, поставленных и решенных Гоголем в письме «Что такое губернаторша?». Отсюда полемическая заостренность его статьи. Косвенным свидетельством того, что субъективное отношение Слепцова было в данном случае далеко не единичным в демократической среде шестидесятых годов, служат слова тургеневского Базарова: «С тех пор как я здесь, я препакостно себя чувствую, точно начитался писем Гоголя к калужской губернаторше».

В статье Слепцова есть некоторая непоследовательность, а также преувеличения. Он придает слишком большое значение душевной болезни Гоголя и непоследователен в решении вопроса об эволюции писателя. В начале статьи Слепцов делит творчество Гоголя на два периода: до и после появления «Выбранных мест»; здесь о книге Гоголя говорится, что она появилась «неожиданно». Позднее же автор утверждает, что во многих местах прежних произведений чувствуются зачатки болезни Гоголя, и поэтому не кажется «резким переход его от I части „Мертвых душ“ к советам губернаторше». Такое суждение, если бы оно появилось в печати, было бы «на руку» последователям Аполлона Григорьева. Известно, что Григорьев утверждал в 1840-е годы: никакого перелома в мировоззрении Гоголя не произошло.

Однако нужно помнить, что не кто иной как Белинский осторожно высказал в свое время тревогу за Гоголя на основании некоторых мест первой части поэмы, в которых «из художника силится автор стать каким-то пророком...»⁵. Добролюбов же в статье «Темное царство» отметил, что в первой части «Мертвых душ» есть места, по духу своему подходящие к «Переписке»⁶. Но и Белинский и Добролюбов в своих выступлениях о Гоголе подчеркивали именно отличие его художественных произведений от «Выбранных мест». Чернышевский же, кроме того, стремился найти черты художника-Гоголя, автора первого тома «Мертвых душ», во втором, неизвестном Белинскому, томе поэмы. «Эти места человека самого предубежденного против автора „Переписки с друзьями“ убедят, что писатель, создавший „Ревизора“ и первый том „Мертвых душ“, до конца жизни остался верен себе как художник, несмотря на то, что как мыслитель мог заблуждаться...»⁷.

Несмотря на некоторую односторонность или непоследовательность суждений Слепцова, общая направленность его статьи близка оценкам Гоголя, которые давались виднейшими представителями революционно-демократической критики.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ К. <В. В. К а л л а ш>. В. А. Слепцов. — «Русская мысль», 1903, № 4, стр. 155. — Здесь приведены слова Толстого о Слепцове.

² «Сочинения и письма Н. В. Гоголя». — Ч е р н ы ш е в с к и й, т. IV, стр. 632.

³ Там же, стр. 663.

⁴ Там же, стр. 639.

⁵ «Похождения Чичикова, или Мертвые души». — Б е л и н с к и й, т. X, стр. 51.

⁶ «Темное царство». — Д о б р о л ю б о в, т. II, стр. 84.

⁷ «Очерки гоголевского периода русской литературы». — Ч е р н ы ш е в с к и й, т. III, стр. 13.

«ЧТО ТАКОЕ ГУБЕРНАТОРША

(ПИСЬМО К А. О. С.....ОЙ)» Н. В. ГОГОЛЯ,

«Современность», № 1, 1860 *

Литературную деятельность Гоголя можно делить на два периода. К первому относятся его юношеские произведения (за исключением стихотворений), посягающие на себе все признаки огромного таланта, а именно: «Вечера на хуторе», «Арабески», «Миргород», «Мертвые души», «Ревизор» и проч. Это лучшее время его деятельности, время, доставившее Гоголю место в ряду первоклассных литераторов, породившее толпу подражателей и закончившееся так неожиданно и так печально появлением в свет «Выбранных мест...»

Вслед за появлением этой книги начинается второй период. Тут уже начинает ярко выступать тот нравственный переворот, много лет совершавшийся в душе этого [замечательного] человека и невидимо подточивший в самом корне его талант.

К этому времени относятся его знаменитые «Исповедь», «Выбранные места», многие письма к друзьям; сюда же должно отнести и письмо к А. О. С.....ой, заглавие которого мы привели выше. Письмо это в числе прочих трех доставлено в редакцию «Современности» Кулишем и писано в 1846 году, — как видно из примечания редакции «Современности».

Письмо это, не представляя большого интереса в литературном отношении, любопытно как документ, подтверждающий мнение, давно уже высказанное некоторыми из лучших людей того времени, мнение — будто влияние Гоголя как литератора кончилось вместе с появлением «Выбранных мест» и пр., потому что все, писанное им после, явно отзывалось упадком нравственных сил, каким-то страстным мистицизмом и решительным отсутствием именно тех свойств, которые характеризуют гоголевское направление.

Смешно сказать, что большинство нашей читающей (и еще более только бывающей в театре) публики до сих пор имеет о Гоголе и его литературной деятельности самые неясные понятия. А ведь между тем оно так. Некоторым Гоголь представляется и теперь еще чем-то вроде вольтерьянца, потому, может быть, что, по мнению этих господ, его насмешка над чиновниками как-то тесно связана с неуважением к старшим, непочтительностью, богоотступничеством и т. д. Не говоря уже о женщинах, которые почти вовсе не знакомы с его произведениями, за исключением разве комедий, виденных на сцене. Другие, напротив, при одном только имени Чичикова, Поздрева и пр. начинают уж хохотать, для этих Гоголь — веселый писатель, доставляющий им многие минуты истинного удовольствия. И опять-таки и это не ценители. Этот разряд читателей видит в Гоголе чуть не Поль де Кока, и для них остается решительно незаметною самая сильная сторона гоголевского таланта, и конечно, самая характеристическая.

На гоголевские типы многие, даже образованные, люди все еще смотрят как на смешные карикатуры, и только очень немногим понятны вполне эти невидимые сквозь видимый смех слезы, а потому-то мы и решились сказать здесь несколько слов о письме, не представляющем для большинства большого интереса. И действительно, каждый, вероятно, при одном уже имени Гоголя взялся за листок газеты с любопытством, доходящим до аппетита, в надежде найти нечто вроде описания губернаторши в «Мертвых душах», — начал читать, все еще ожидая, что дальше будет смешно,

* Слепцов не совсем точно приводит библиографические сведения. Нужно: «Современность и экономический листок», 1860, № 1, от 29 января. Также он не всегда точно цитирует текст Гоголя. — Ред.

но и дальше ничего такого не оказалось. Читатель становится втупик. И уж так только, потому что это гоголевское письмо, больше для очищения совести дочитывает до конца.

Тяжелое раздумье овладевает читателем.

Но прежде нужно же сказать, что это за письмо, над которым задумается читатель.

Как бы весело настроен ни был воображаемый читатель перед чтением означенного письма, с первых же строк строгий тон речи дает знать, что

не шутки шутить, не людей смешить

собирается автор; с первых же строк догадывается читатель, что письмо вовсе не юмористического характера.

«Но в сторону наши здоровья: мы должны позабыть о них, так же как и о себе», — говорит автор, выразив удовольствие, что здоровье лица, к которому относится письмо, становится лучше, и объявив, что его здоровье плачевно.

Вы уже чувствуете, что речь идет о самоотвержении. Веселое настроение окончательно пропадает, и серьезное внимание заменяет его место.

Далее вы узнаете, что губернаторша — это та самая дама, к которой писано письмо, и что цель его — подать несколько благих советов, как должна поступать губернаторша на своем месте и в чем собственно заключается ее обязанность... Вопрос, как видите, очень серьезен и к тому же способен заинтересовать каждого читающего человека. Вы сейчас же соображаете, что человек, знавший так хорошо Россию, как знал ее Гоголь, не может подать дурного совета, что советы будут и дельны, а может быть, даже и остроумны. Внимание ваше усиливается.

Первый совет состоит в том, что губернаторша должна «с новыми силами возлюбить его» (т. е. город). «Он ваш, он вверен вам, он должен быть вашим родным». За этим следует упрек в холодности или, скорее, в охлаждении к обязанностям губернаторши, убежденность в том, что присутствие ее в городе не может принести большой пользы, «что общество испорчено в корне». — «Вы просто устали — вот и всё!» Деятельность губернаторше предстоит всюду, на каждом шагу. «Она даже и тогда производит влияние, когда ничего не делает». В доказательство этого приводятся примеры двух предшественниц, из которых одна «завела кучу благотворительных заведений, а с ними вместе — и кучи бумажной переписки и возни, экономов, секретарей, бестолковщину, прославилась благотворительностью в Петербурге и наделала кутерьму в К***». Другая же, бывшая до нее, не заводила ничего подобного и даже на мужа не имела никакого влияния, но о которой до сих пор никто в городе «не может вспомнить без слез». За этим опять упреки в усталости, причины которой женская прыть, сначала быстро увлекающая, но зато и быстро охлаждающая.

Тут уж собственно и начинаются советы. Во-первых, губернаторша должна подавать собою благой пример во всем, на том основании, что русские вообще склонны к «обезьянству» и что если губернаторша будет вести свои дела хорошо и изгонит из своего туалета роскошь, то и все поведут свои дела хорошо и изгонят роскошь, а роскошь изгонит взятки.

— «Гоните эту гадкую скверную роскошь, эту язву России, источник взяток, несправедливостей и всех мерзостей, какие у нас есть». Дело, как видите, очень простое и легкое и даже не требует никаких жертвований, даже и времени не отнимает!

Второй совет состоит в том, что губернаторша должна смотреть на свою губернию как на лазарет и притом уверить себя, что все больные в этом лазарете всё родные и близкие сердцу люди. За этим опять упрек в том, что губернаторша вообразила себе, будто все эти больные неизлечимы. — «Что ж, разве вы всезнающий доктор? А зачем вы не обратились с просьбою

смотреть на него следует не иначе, как на произведение больного человека. Только с этой точки зрения становятся ясными многие темные места в его произведениях и не кажется резким переход его от 1-й части «Мертвых душ» к советам губернаторше. Стоит только взглянуть повнимательнее, и в прежних произведениях и в 1-й части <«Мертвых душ»> откроются следы того же направления и там уже проглядывали кое-где зачатки той же болезни. Личность Гоголя, — как мы уже сказали выше, — вовсе еще не так исчерпана, чтобы все в ней было ясно для нашей читающей публики.

Письмо к губернаторше, о котором мы завели речь, вводит нас в интимные отношения этого замечательного человека с женщиной, и освещает еще некоторые темные места его нравственной жизни.

«Зачем же вы этого не сделали (т. е. не обратились за советом к Гоголю), тем более, что сами уверены, будто я могу на многое произвести больше влияния, чем вы; тем более, что сами же приписываете мне *некоторое не всем общее* (?) познание людей; тем более, наконец, что сами говорите, будто я вам помог в вашем душевном деле более, нежели кто другой?»

Из этих слов вы видите, что и сюда замешалось это так называемое *душевное дело*. Из этих же слов оказывается, что и у губернаторши было то же душевное дело и что между ней и Гоголем по поводу душевных дел существовало некоторого рода духовное общение.

— «Неужели вы думаете, — продолжает Гоголь, — что я не сумел бы так же помочь и вашим неизлечимым больным? Ведь вы позабыли, что я могу и помолиться, молитва моя может достигнуть и до бога, бог может послать уму моему вразумление, а ум, вразумленный богом, может сделать кое-что лучше ума, который не вразумлен им».

Здесь, как видите, автор больше рассчитывает на откровение, нежели на практическое знание дела, и, чувствуя в себе способность вдохновлять, думает решать социальные вопросы путем умозрения. Посмотрим же теперь, какого рода средства предложит вдохновленный врач недугующим и страждущим, которых слабая женщина или, как говорит автор, ваш брат, страстная женщина, предполагает неизлечимыми.

Тут дело в том, что автор сознается в своем крайнем незнании города, о котором идет речь, и смирение его доходит до того, что он говорит: «Вы понадеялись на то, что я знаю Россию, как пять моих пальцев; а я в ней ровно не знаю ничего. Если я и знал кое-что, то и это со времени моего отъезда уже изменилось».

Следовательно, на этот счет дело покончено, сказать что-нибудь действительно полезное автор отказывается, потому что ни России, ни губернского города в особенности не знает, но зато он может помолиться, зато он может предложить *a priori* такие спасительные средства от неизлечимых болезней, которые, кроме него, никто предложить не может.

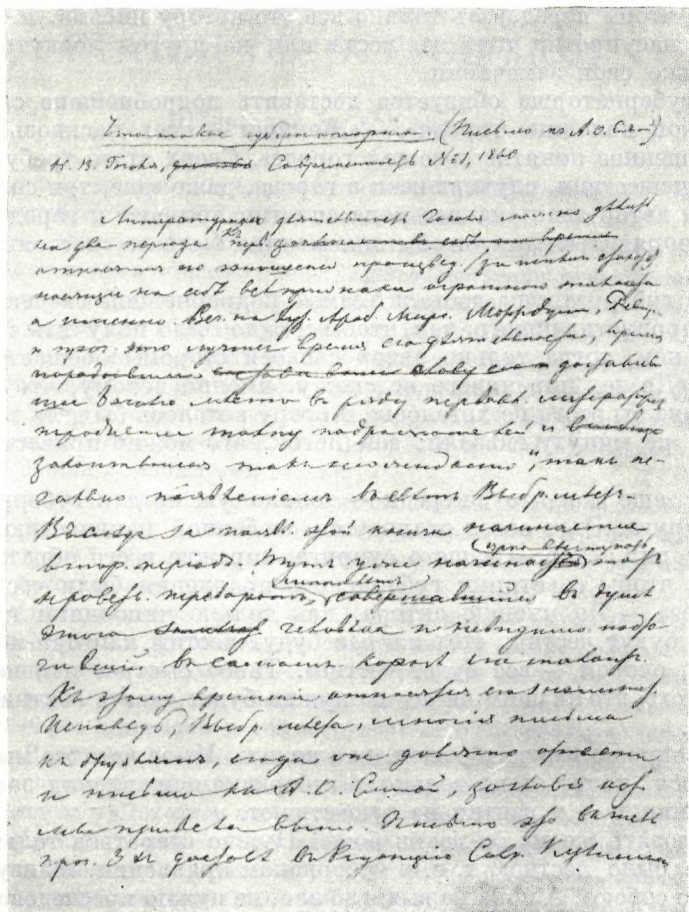
Какие же эти средства? А вот погодите!

А тут-то вот именно и оказывается вся несостоятельность умозрений, основанных только на вдохновении, тут-то и оказывается, до какой степени далеко душевное дело от действительной жизни и как трудно человеку, погруженному в созерцание *своих мерзостей*, — как говорит автор, — находить средства для излечения чужих. И в самом деле, до какой степени платок и валко все основание, на котором строится эта хитро задуманная больница и в которую вводит вас автор для того, чтобы показать вам свое искусство в излечении человеческих мерзостей. После длинного и немилосердно растянутого предисловия автор начинает с того, что задает губернаторше ту же задачу, которую он задавал и всей России в своих письмах к друзьям, т. е. просит ее (губернаторшу) описать ему все, что ни есть у нее в городе. Задача, как видите, не маленькая. Но это еще не всё. Губернаторша, по свойственной женщинам ветрености и легкомыс-

лию, вздумала бы, может быть, отделаться каким-нибудь легким очерком в описательном роде, но автору этого мало, ему нужна во всем аккуратность, и уж если он примется за какое-нибудь дело, то шутить не любит.

— «Вы должны ради меня начать вновь рассмотрение вашего губернского города. Во-первых, вы мне должны назвать все главные лица в городе по именам, отчествам и фамилиям, всех чиновников до единого. Мне это

РУКОПИСЬ СТАТЬИ СЛЕПЦОВА «ЧТО ТАКОЕ
ГУБЕРНАТОРША?», 1860 г.

Архив Октябрьской революции, Москва

нужно. Я должен быть им так же другом, как вы сами должны быть другом им, всем без исключения. Во-вторых, вы должны мне написать, в чем именно должность каждого».

Все это должно быть узнано от самих чиновников лично: а как это сделать — для этого прилагаются особенно вопросные пункты.

Таким образом, губернаторша должна расспросить каждого по очереди, в чем заключается его должность, сколько на таком-то месте можно принести добра и сколько зла? Узнавши все это, губернаторша должна сейчас же отправиться в свою комнату и «все это на бумагу — для меня».

И ведь как это все легко и просто — переэкзаменовать таким образом всех чиновников, а главное, что этим самым или *сим*, — как говорит автор, —

уже будет сделано два дела: первое — автору дается средство впоследствии пригодиться губернаторше, а второе — губернаторша из ответов и сама успеет узнать своих чиновников. Но тут опять остановка. Из этих ответов губернаторша может усмотреть возможность сделать нечто и сейчас же, «но не в этом дело. До времени лучше не торопиться; не делайте ничего, даже и тогда, если бы вам показалось, что вы можете кое-что сделать и что в силах чему-нибудь помочь». Губернаторша должна пока довольствоваться тем, чтобы передавать только все это автору письма, и «на той же страничке, насупротив того же места или на другом лоскутке бумаги» делать только свои замечания.

Потом губернаторша обязуется доставить подробнейшие сведения «о всей женской половине города». — «Женщин — всех насквозь! Чтобы я имел совершенное понятие о вашем городе». Сверх этого требуется записывать происшествия, случившиеся в городе, даже «две, три сплетни» для того, чтобы автор знал «какого рода сплетни» бывают в городе. Притом нужно распорядиться так, чтобы описывание было ее «постоянным занятием».

И когда губернаторша доставит самые подробнейшие сведения о своем городе, не пропустив ничего, так, чтобы можно было получить самое ясное понятие о нем, тогда только автор с своей стороны обещается сказать *кое-что*. — «До тех пор ничего не скажу, именно потому, что могу ошибиться, а мне бы этого не хотелось». Автору хотелось бы дать такой совет, чтобы в ту же минуту сказали: «он легок, его можно привести в исполнение».

Но вот еще кое-что впереди — только уж не для губернаторши, а для ее супруга. Этот совет отличается особенной наивностью. — Попросите, — говорит автор, — вашего супруга, «прежде всего обратить внимание на то, чтобы советники губернского правления были честные люди. Это главное». — По мнению автора, как только чиновники губернского правления будут честны, «тот же час будут честны капитан-исправники, заседатели, словом — все будет честно». Такое быстрое изменение произойдет от того, что низшим чинам не нужно будет давать взятки своим начальникам.

Итак, вопрос о взятках решен, как видите. Из-за чего же мы-то хлопочем и бьемся, когда стоит только в губернском правлении завести честных чиновников — и взятки не существуют.

Преследовать же их, сохрани боже! Нужно стараться только, «чтобы сверху все было честно», т. е. в губернском правлении, «снизу все будет честно само собою». А пока не вышло зло, не нужно преследовать никого, а лучше тем временем действовать нравственно. В чем же состоит это нравственное влияние? А вот, увидим.

Губернаторша всегда, — говорит автор, — может иметь влияние нравственное, даже очень большое нравственное влияние, подобно как и губернатор, может «иметь большое нравственное влияние», хотя она и не имеет «власти, установленной законом».

Как будто власть, установленная законом, имеет больше нравственного влияния, нежели власть, не установленная законом? Не правда ли, как все это наивно?

В доказательство того, какое огромное нравственное влияние может иметь губернаторша на бесчестных чиновников, служит то, что если губернаторша не сделает одному из них визита, то об этом будет говорить весь город, и бедные чиновники *из-за этой единственной боязни* струсят сделать подлость.